

Елена Еланцева

13. Сборник рассказов

«Издательские решения»

Еланцева Е. В.

13. Сборник рассказов / Е. В. Еланцева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-687953-9

География сюжетов сборника рассказов «13» простирается от Одессы до Магадана, не минуя Ярославль. Автор знакомит читателя с реальными и вымышленными героями, чьи судьбы переплетаются с историческими событиями. Небольшие по объему рассказы читаются на одном дыхании, при этом не относятся к развлекательному жанру.

ISBN 978-5-00-687953-9

© Еланцева Е. В.
© Издательские решения

Содержание

КАК Я ПИШУ	8
САША	9
Один из тринадцатых	17
Конец ознакомительного фрагмента.	25

13

Сборник рассказов

Елена Витальевна Еланцева

Дизайнер обложки Геннадий Леонидович Ершов

© Елена Витальевна Еланцева, 2025

© Геннадий Леонидович Ершов, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0068-7953-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



КАК Я ПИШУ

Здравствуй, читатель! Ты открыл мою первую книгу рассказов.

Еще пять лет назад я не помышляла о литературном творчестве. Иронизировала над начинающими авторами: литература и так засорена, зачем пополнять армию графоманов? Но...

То ли в понедельник, то ли еще в какой будний день случилось непредвиденное: я записалась на занятия к Ольге Никоновой в Мастерскую рассказа «Этажерка». План был поучиться писать в социальных сетях интересные тексты и поболтать о прочитанном. Однако затянуло меня в самое логово литературных опытов. Сначала один этюд, потом другой. Через полгода рванулась написать историю о докторе Меерзоне. О нем рассказывала мама, вспоминая о первых годах работы на Колыме.

Курс открылся во времена «коронавирусной» изоляции. Мы спокойно пережили карантин и даже выпустили альманах. В предисловии Ольга Никонова написала: «Мне кажется, на занятиях и семинарах мы трудимся не только над рассказами, но и над тем, чтобы немного замедлить бег времени, обратить взгляд в себя, соединить впечатления с памятью.»

Как я пишу? Трудно пишу. О муках писательства точно рассказал Стендаль в трактате «О любви». Конечно, он писал о человеческих отношениях, но рождение собственного текста очень похоже на любовь. Страстную любовь. Сначала пишущий человек попадает в фазу влюбленности. Предмет любви «поселяется» в голове.

В этот момент, по определению Стендаля, наступает первая кристаллизация или непреодолимое желание показать «предмет любви». Опасное время. Похвала окрыляет и усыпляет одновременно. Критика, наоборот, приводит в бешенство, но и заставляет идти дальше.

Во второй фазе кристаллизации (метафора Стендаля) влюбленность исчезает. На смену приходит злобный критик. С каждым днем, с каждой правкой текст становится хуже и хуже. Страдания заканчиваются на клавише «delete». Так случилось с рассказом «Библиоманка». Сначала у меня родился текст о Руфине Александровне – сильной, волевой женщине. Я его даже публиковала в социальной сети. Но в один прекрасный день поняла: это не та женщина, о которой хочу рассказать. Я удалила готовый текст и написала о другой Руфине Александровне.

Во второй фазе влюбленности потеряла солидное количество текстов. В муках творчества остались живы тринадцать рассказов.

В гостиницах отсутствует тринадцатый этаж, в итальянской опере тринадцатое место, практически на всех кораблях после 12-й каюты сразу идет 14-я.

Вопреки суевериям, я ставлю на цифру тринадцать, тем более отношусь сама к поколению X – тринадцатому поколению.

Сборник с одноименным названием вы сейчас держите в руках. Надеюсь, он вас не разочарует. Удачи! Мне и вам.

САША

В июле 1918 года в Ярославле мертвые равнодушно смотрели в небо, сошедшие с ума от горя хохотали на улицах, а живым виделось затмение. Яркий летний диск солнца поглотил серый дым. Не затмение то случилось – восстание подавили, город-бунтовщик расстреляли из пушек. Новое название заслужил город: «Гарь».

Тишина наступила неожиданно. В солидарность мертвецкому молчанию Саша замер, задержал дыхание, вжался всем телом в пол. Он смотрел через ободренные края крыши, на затянутое дымом солнце и думал: «Отчего настоящее в считанные дни становится далеким прошлым?»

Еще шестнадцать дней назад в доме на Любимской, где он прятался от обстрела, жила семья. По воскресеньям ходили в храм к Николе Мокрому, варили сливовое варенье – в ярославских садах слива мелкая, с кислинкой, аккуратно для варенья, – а сейчас черные отверстия в куполах церквей, сожженные деревья, исклеванные пулями стены домов, трупы людей. Густой темносерый морок.

Среди груды разбитого кирпича, обгорелых досок Саша обнаружил комод. Хозяева хранили в нем густо посыпанные нафталином кофты, пиджаки, носки. На самом дне лежала детская шубка с муфтой. В нее аккуратно завернули пластинку: Федор Шалапин. Бас. Баллада «Как король шел на войну». А еще в комод лежали новые валенки. Саша жадно вдыхал шерстяной запах, вспоминал Рождество. Как чудесно бежать на каток к ресторации Бутлера. От Голубятной до Казанского бульвара рукой подать.

«Мне не больно, мне ни капельки не больно», – думал он, обхватывая валенки так же сильно, как голодный ребенок цепляется за материнскую грудь. Они кололись, раздражали израненное тело. Откинуть, освободиться от боли – значит, потерять едва заметный конец нити, исчезающий в дыме. По ней, тонкой, связанной впопыхах на разрывах узлами памяти, он пробирался к родным лицам.

– Кто мне расскажет про солнечное затмение?

Учитель Грязевский поправляет пенсне и обводит класс взглядом.

– Тропинин, к доске.

Саша вымученно мямлит:

– Солнечное затмение – это астрономическое явление...

– Подробнее.

– Это когда, это как...

– Голубчик, вы совсем не готовитесь к занятиям. Что у вас в голове? Революция?

Грязевский снимает пенсне, трет стекла маленькой бархатной тряпочкой.

– Да-с. И у меня в голове неладное.

Класс одобрительно затихает.

– Садитесь, Тропинин. Неудовлетворительно.

Воспоминания оборвал удар, похожий на выстрел. Саша переполз к противоположной стене. Прислушался. Тихо. Это на пол упала фотография в рамке. Потянулся за карточкой, осколком порезал запястье. Капля крови расплзлась на лице девушки с большим бантом в волнистых волосах. Она сидела вполоборота, положив руку на спинку кресла, и смотрела невозмутимым взглядом на непрошеного гостя, разбитые окна, сваленный лицом вниз буфет, бронзовый подсвечник, присыпанный кирпичом, повисший на одном гвозде ламбрекен. Даже собственная шубка с муфточкой, свернутая вчетверо у изголовья Сашиного лежака, ее не возмутила. Он позавидовал девушке – возвысилась и не вернется. А его, Сашу, кто-то жестокой рукой выкинул обратно, заставил смотреть и участвовать в бойне.

Из глубины дома слышались мужские голоса. Саша ждал и готовился к ним. Прижал сильнее валенки к груди и не мигая, не дыша впряился в темноту коридора.

Плотный здоровяк в кожаной куртке рванул валенки на себя, pokrutil в руках: «Екор-мокор, хорошечны!»

Его синюшное, с близко посаженными глазами лицо вплотную приблизилось к Саше. Пахнуло луком, самогоном. Еще шестнадцать дней назад он бы отвернулся с отвращением, а сейчас запах изо рта напомнил о еде.

– Кругликов! Тут пацан! Ишь, глазищи! Ты кто?

– Да это контра, смотри, у него на рукаве гвардейская ленточка, – Кругликов, тощий парень, измученный бессонными ночами (он и забыл, когда последний раз отдыхал: после мятежа в разрушенных домах окопались разной масти людишки, все до одного – контра недобитая), пнул Сашу ногой в раненое плечо.

Сильная боль пронзила тело.

– Тащи в машину, едем в штаб.

– Погодь! Барахла-то сколько! – здоровяк в кожанке схватил комод.

– Брось, сказал, – Кругликов приставил револьвер к его щеке.

– Илюха, ты чёй-то!

– Сказал брось, убью. Я белую сволочь давлю не за барахло. За мир.

– Ладно-ладно. Не пузырься. За мир и я, – здоровяк быстро засунул детскую шубку за пазуху.

Саша очнулся в темной камере. Рядом стонал человек в черном жилете. Запястья, синеватые, с выбитыми суставами безвольно высунулись из грязных манжет рубашки. В волосах запеклась кровь, смешалась с песком, от этого пряди торчали прутьями в разные стороны, лицо вздулось от побоев. Саша проморгался, еще раз внимательно посмотрел на соседа.

– Андрей Ильич? Вы? Это я, Саша Тропинин.

– А-а-а, двоечник, – простонал Грязевский. – Ты как здесь?

– Нашли в доме на Любимской.

– Понятно.

– А вас?

– У железнодорожного моста. Представь, стрелял, сидя на стуле, из нашей гимназии.

– Как так? – Саша заулыбался впервые за шестнадцать дней.

– Чтобы задницу не измазать, – Грязевский подмигнул единственным глазом. Стараясь не стонать, прислонился спиной к стене, медленно, поддерживая руку, переполз к Саше: – Все хорошо, мальчик, не бойся. Очки разбились – это хуже.

– Вы ранены?

– Пустяки. Ты почему один? Где твоя мать?

– На мельнице, но там горит.

– Не думай о плохом. Жива она. Мы с тобой живы. И она жива.

– Нет, Андрей Ильич. Кругом мертвецы. Их много. Они по Волге плывут, на улицах лежат.

– Что еще видел?

– Бой на Сенной площади.

– Самое пекло, – Грязевский погладил Сашу по щеке.

– Я подтаскивал ящики с патронами человеку в картузе. Стреляли. Не расслышал его имя. Сначала с ним переглядывались, обменивались жестами. Рука вверх – тащи ящик, поворот головы – пригнись. Не успели поговорить. Сильно засвистело, и человек в картузе упал на меня.

– Нельзя умирать безымянным. Назовем его Федором.

– Я вас вспоминал.

– На допросе не говори лишнего. Ты понял меня?

Он хотел спросить учителя, что именно ему не говорить, но не успел. Лязгнул замок, послышался окрик конвойному: «Мальца к следователю».

В душной допросной – худощавый парень из вчерашнего рейда. Сейчас он не выглядел страшным, как показалось на Любимской: обычный, чуть старше Саши, его даже было немного жаль, корчил из себя начальника. Хмыкал в кулак, хватался за папиросы. Затягивался неумело, густо выпускал дым, кашлял. Бросался к ведру, жадно пил, обливая ворот гимнастерки водой.

За столом успокоился.

– Фамилия?

– Тропинин.

– Имя, отчество.

– Саша я, то есть Александр Михайлович.

– Возраст.

– Тринадцать исполнилось в феврале.

– Зараза, я думал, ты младше. Тогда и спрос другой, – худощавый горланно хохотнул – казалось, обрадовался.

Саша выглядел младше своих лет. Оторванный рукав обнажал длинные руки. На узких плечах болтался воротник матроски. Из коротких летних штанов торчали острые коленки. И в той, прошлой жизни, он не отличался спортивным сложением. В гимназии дразнили сюсей-масюсей. Домосед и единственный сын у уже немолодых родителей. Варвара Степановна до революции следила за хозяйством, а отец, Михаил Евграфович, работал инженером на мельнице у купцов Вахрамеевых. В доме Тропининых царила тихая, не богатая, но безбедная жизнь. Пока не случилась революция.

– Как называлась ваша организация?

– Какая организация? Не знаю.

Саша врал. Об организации «Союз защитников Родины и Свободы» он слышал. Все началось с Лизы.

Семнадцатилетняя гимназистка Елизавета Крынкина, избалованная дочь приказчика купца Коновалова, встретила его на углу домашней церкви госпожи Нелидовой. Кокетливо покручивая пальцем кончик косы, медленно двинулась к Саше.

– Александр, покажите свою руку.

Саша покраснел.

– Зачем?

– Покажите, – Лиза прикусила нижнюю губу.

– Вот вам моя рука, – Саша протянул ладонь для рукопожатия.

– Не так.

Лиза подошла вплотную, развернула ладонь. Пальцем провела по коже.

– Вы проживете долгую жизнь.

– С чего вы решили?

– Смотрите, у вас очень длинная линия.

Она прищурила зеленые глаза.

– Елизавета Савельевна, Вы дразнитесь, – Саша вырвал руку. Яростно потер ладонь о брюки.

– Чешется?

– Нет.

– Ладонь чешется к деньгам. У вас есть деньги?

Лиза смешно собрала носик гармошкой, придвинулась к его уху:

- Пойдемте со мной в интимный театр, – жаркий шепот вонзился в низ живота.
- Мне никак нельзя. У меня нет денег.

Саша позорно убежал под громкий хохот Лизы. Вечером долго ворочался, смотрел на руки. Даже нюхал. Не оставила ли развратница запах духов?

«Как такое возможно? Я люблю маму, но о ней никогда не думаю. А кокетка, легкомысленная барышня, сидит занозой в голове».

На следующий день он не выдержал и отправился на Борисоглебскую.

У входа в Электротheater толпилась публика. Парочки прохаживались по тихой улочке в ожидании представления. Красочная афиша у входа сообщала: «Бенефис артистки Валентины Барковской. В программе оперетта „Мамзель Нитуш“».

Саша спрятался за ствол липы. Подкатил автомобиль с большевиками. Что-то бурно обсуждая, перебивая друг друга крепкими словами, компания вошла в кинотеатр. Следом потянулась остальная публика. Лиза не появилась. Разгоряченный событием, он побежал к закадычному другу Пашке.

– Звала в интимный театр.

Паша брезгливо сморщился:

– Ты как был нюней, так и остался. Вокруг такое, а ты сюси-масюси, – поправил картуз, цыкнул сквозь зубы.

Раньше друг не плевался на улице.

– Ты за белых или красных?

– На Мытном болтают: большевики – это шпионы. Офицеры из «Союза защитников Родины и Свободы» всех спасут.

– Тьфу! Сам-то че кумекаешь?

– Паш, ну я на самом деле не знаю. Отец вернется, я у него спрошу и про свободу, и про большевиков.

Твоего отца убили.

– Неправда! – Саша схватил друга за китель. – Он вернется!

– Дурак. Впереди новая справедливая жизнь без богатых и бедных.

– Я не хочу новую, мне в старой нравилось.

Саша оттолкнул друга и побежал домой на Голубятную. Кот истошно орал, гневно лупя хвостом по ножке обеденного стола.

– Василий, терпи.

Варвара Степановна вернулась домой позже обычного. Принесла ворох свертков. В одном лежали колбаса и сало.

– Ого! Откуда?

– С колбасной фабрики Болотникова передали.

Саша видел, мама не хотела продолжать беседу. Молча переделалась, поставила на огонь кастрюлю.

– Завтра я уйду рано. Ты, пожалуйста, сиди дома. Не выходи, что бы ни случилось.

– Ты злишься на меня, – Саша не понимал, почему мать сегодня такая напряженная.

– Что ты, детка, – она прижала чернявую голову сына к груди. – Ты только не выходи завтра.

– Хорошо, мама.

За ужином он не выдержал.

– А ты знаешь, кто такой Перхуров?

– Полковник Перхуров честь имеет. Настоящий офицер. Как и твой отец.

– Он как Минин и Пожарский?

– Да, Саша.

В допросной дым от папирос висел над потолком. Душный воздух, яркая лампа мешали схватить спасительный конец нити, подтянуться на ней, дотронуться до мамы, до кота, занавесок, запаха колбасы. Какая она вкусная! С жиринками.

Саша сглотнул слюну. Худощавый деловито обмакнул перо в чернильницу, бережно поднес его к бумаге и старательно вывел: «23 июля 1918 год». Рука дернулась от излишней усидчивости. Вместо точки образовалось пятно. «Он недавно научился писать», – подумал Саша.

– Ты был связным?

– Я не понимаю.

– Хватит отпираться.

– Я не хотел.

Саша говорил правду и, в отличие от своего друга Пашки, не хотел восстаний и революций. Он, обычный ученик мужской гимназии, хотел после уроков возвращаться домой, посвистывая папину любимую песню герцога из оперы «Риголетто», к окончанию четвертого класса дособирать коллекцию животных (у него не хватает хищников саванны), наблюдать за птицами. Весной первыми прилетают скворцы.

– Летит скворец – зиме конец, – повторяла мама, перелистывая календарь.

Саша заранее мастерил скворечник. Как только птицы поселялись в новом домике, нетерпеливо заглядывал внутрь. Ждал птенцов.

Именно сейчас, в допросной, он до слез любил Голубятную: за тишину, за осенний ворох листьев под ногами, за трамвай, что прежде злил своим бряцанием в пять утра, а сейчас воспоминания о нем накрывали тоской: дзинь, тук, дзинь, тук. Он любил до слез того, прежнего Сашу, на углу улиц: одна из них вела к церкви Благовещения, а другая – к церкви Петра и Павла. Там он тайком курил папину папироску, а потом, озираясь, перебежал на противоположную сторону к причудливому терему архитектора Поздеева, запрокидывал голову и мечтал попасть в обсерваторию господина Кнопфа. Посмотреть на звезды Саша хотел, а восстаний и революций – нет.

Худощавый покопался в ящиках стола, достал какие-то коробки.

– Как ты попал в банду мятежников?

– Я случайно.

– Отвечать по существу!

Саша вздохнул, словно утопающий, набрал воздуха в легкие последний раз и рассказал о том, что ему пришлось пережить.

День шестого июля прошел в волнении. Мимо окон маршировали отряды вооруженных людей, проезжали быстро повозки, груженные мешками, слышались одиночные выстрелы в районе станции Всполье. К вечеру пошел дождь, а утро следующего дня разбудили удары. Сначала подумал на гром, но от него с потолка не сыпется штукатурка, не разбиваются стекла. Это стреляли из пушек со стороны Коровников. Кот прижимался к ногам, беспокойно помахивая хвостом. Мама не пришла. В бидоне вода чуть закрывала дно. Очень хотелось пить и выбраться из дома. Остаться в нем еще страшнее, чем бежать по улице. С неба летели огни, рядом загорелся дом, за ним по цепочке вспыхнули следующие. На Власьевской коренастый господин с ридикюлем схватил за шкуру и с силой втолкнул в подвал гостиницы «Европа». Там собралось много людей. Стоял галдеж. Дети бегали между ящиками, в углу визгливый голос возмущался:

– Господа, представьте, загрузил шестнадцать пудов зерна. Все собаке под хвост.

– Не убивайтесь так. Стоит ваш пароход на пристани. Чевось ему будет. Не конец света, чай, – успокаивала дама с зонтиком от солнца.

– Конец, истинно конец. Господи, спаси и сохрани, – бормотала рядом, раскачиваясь из стороны в сторону, старушка, замотанная в плед. Чуть поодаль, привалившись к стене, студент читал книгу Никколо Макиавелли «Государь».

– В действительности нет способа надежно овладеть городом иначе, как подвергнув его разрушению, – декламировал он с пафосом, перекрикивая соседей.

Голос из темноты перебил чтение. Вопрос волновал больше, чем содержание книги.

– Господа, объясните, что происходит в городе?

– Свергнули, свергнули!

– Кто свергнул?

– Американцы.

– Не мелите чушь, какие американцы?

– Я вчера на Туговой Горе был. Еле ноги унес. Такое видел, до сих пор мороз по коже.

– Чевось? – старушка в плед, кряхтя, встала с ящика.

– Красноармейцы вывели настоятеля церкви во двор и заставили копать яму.

– Как? Батюшку?

– Они его убили?

– Хуже. Они мочились на него.

– А вы говорите – свергнули, – старушка в плед мелко затрясла плечами.

Разговоры утихли. В подвал спустилась красивая дама в мужском галифе. Хорошо поставленным голосом прокричала:

– Нужна помощь. Срочно!

Худощавый встал из-за стола. По-детски почесал затылок:

– Ты мне мозги не засирай, мне плевать, о чем вы там бахорились в подвале. Что за дама?

– Мне кажется, это была артистка Барковская. Я видел афишу.

– Дальше.

Саша продолжил: Студент подошел к командирше, спросил: «Большевиков победили?»

– И что ответила эта профурсетка?

– Она сказала: скоро.

– Выкусите! Раздавим вас, как вшей, – худощавый схватил Сашу за грудки и больно надавил кулаком в нос.

– Не бейте, – Саша сжался, но не испугался. Слова выскочили на подсознательном уровне. Ему стало все равно.

– Не бойсь. Это вы, буржуи, людоеды. Дальше рассказывай.

– Потом дама в мужском мундире сказала идти в Епархиальную гимназию за едой для отряда господина Ключникова.

Кругликов неожиданно напрягся.

– Какой такой Ключников?

– Юрий Вениаминович. Преподавал право в Демидовском лицее.

– Ты знаешь его в лицо?

– Видел до восстания. Но в тот день я его не встретил.

– Почему?

– Утром в небе появился самолет. Сначала сбросил листовки, а потом полетели бомбы.

Много бомб. Я больше не помню.

Из-за двери высунулась голова с грязными рыжими волосами.

– Товарищ Кругликов!

– Че надось?

– Списки на расстрел подписать.

Саша про себя отметил: точно, мужик в куртке на Любимской называл худощавого Кругликов. И имя у него Илья.

Кругликов махнул рукой в сторону двери.

– Заходи, не трепыхайся в проходе.

Рыжий несмело шагнул в кабинет и подобострастно подал папку.

– Увесистая...

– Как, говоришь, фамилия матери?

– Варвара Степановна Тропинина.

Кругликов плюнул на указательный палец, перелистнул несколько страниц и по слогам, останавливаясь на каждой букве, стал читать: Великосельский – священник, Вахрамеев – сын купца, Гадлевский – капитан, Морозов – ученик...

Ему тяжело давались плохо отпечатанные буквы.

– Маслов, сколько здесь?

– В этой папке триста.

Кругликов поставил подпись и с шумом закрыл серый скоросшиватель.

– Уведите.

На расстрел Сашу и Грязевского вели по Американскому мосту.

Стояла солнечная погода. Дым развеялся. Солнце поднималось к зениту.

Он умрет. Еще несколько минут, и он умрет. К лучшему. Если останется жить, придется по кускам вытаскивать из себя Голубятную, маму с отцом, Лизу. По кускам. Без наркоза.

Сотню раз Саша пересекал мост, провожая отца в Москву. Сначала они ехали в бричке. На ухабах притворно вскрикивал: «Папенька, падаю, держите меня». Он мог и не подпрыгивать, но тогда не прикоснуться к плечу, твердым коленям. Отец приходил поздно, когда все спали, а если не спали, то не тревожили. Мама только осторожно спрашивала: «Мишенька, у тебя будет время поговорить?» Сашино время приходило, когда отец за ужином сообщал: завтра еду в Москву. Потом они шли по вытянутым в длину залам вокзала, соединенным арочными проходами.

– Иди своим шагом, не пристраивайся. Никогда и ни к кому, – говорил отец.

А потом они садились на скамейку. Саша прижимался плечом к отцу, запрокидывал голову, сквозь дымок отцовской сигары рассматривал густые пшеничные усы, прямые, такого же цвета ресницы, гладко зачесанные волосы. Насмотревшись, он брал его руку и прижимал к щеке. От нее пахло табаком и чернилами. Отец много писал.

– Саша, – Грязевский, не поворачиваясь, тихо позвал: – Встанешь поодаль, в полшага от меня. Понял?

Саша не слушал Грязевского, думал над словами Барковской. Перед уходом в Епархиальное училище он спросил:

– Вы видели Варвару Степановну Тропинину?

– Напомни, мальчик, она откуда?

– На мельнице работала машинисткой.

– Опиши внешне.

– У нее волосы, как у меня, темные, у правого уха смешная завитушка, всегда выпадает из прически, когда мама волнуется. Еще маленькая родинка на щеке.

– Как тебя зовут?

– Саша. Тропинин я.

– Видела в Духовной семинарии. Жива.

Барковская соврала? В духовной семинарии от прямого попадания снаряда погибли все мгновенно. Она видела маму до удара или после?

– Саша, ты слышишь меня? – Грязевский толкнул его в плечо.

– Да.

– Встанешь на полшага назад.

Расстрельная команда по-деловому скинула тела в ров и, переговариваясь кто о чем, двинулась в город. Стемнело. С последнего пути железнодорожного полотна показалась едва заметная в полумраке плотная фигура. Чуть пригнув голову, человек направлялся ко рву. Остановился. Бросил комок земли.

– Упокой, Господи, души невинно убиенных!

Из сваленных тел послышался стон.

– Господи Иисусе, живой кто? – задрожал голос в темноте.

Среди окоченевших тел Саша едва слышно повторял одно-единственное слово: «Полшага. Полшага.»

Прошел месяц. Он медленно возвращался к жизни. Руки, широкие, с крепкими пальцами, с черной каемкой ногтей, поправили одеяло.

– Ты это, паря. Слухай сюды. К завтрему отправляемся. Ты теперяча сынок мой, Ванька. Понял?

Саша не ответил.

Он еще долго не мог говорить. До тех пор, пока не привык жить с новым именем.

Один из тринадцатых

В 1991 году американскими учеными Нейлом Хоувом (Neil Howe) и Вильямом Штраусом (William Strauss) была создана теория поколений. Согласно ей, люди, рожденные в 1961—63 годах, относятся к поколению X. Для точности их назвали тринадцатым поколением.

Становление «Иксов» пришлось на развал СССР, перестройку. Родители закладывали в них радость своей жизни, но потрясения в стране не позволили прочувствовать те же эмоции. Поколение «потерялось». Возникла несостыковка ожиданий и действительности.

На столе небрежно брошена трудовая книжка. В ней всего две записи. В первой немного выщвели чернила. Ученическим почерком выведено: в 1985 году Валерий Михайлович Разумов принят на работу в должности учителя истории. Буквы скошены вправо, такие же нетерпеливые, как и вновь принятый на работу бывший студент пединститута. Последнюю запись писали на скорую руку: уволен по собственному желанию. Дикая формулировка. Слышится: пошел вон, ничего личного, ты сам так решил. Да ничего он не решал. Время вышвырнуло. Кто-то мудро заметил, страшнее смерти – остаться на обочине. Он, Валерий Разумов, анахронизм. Даже внешность не вписывается в разноцветную палитру нового поколения. Посмотреть на лицо, и сразу понятно: морщинистая кожа серого цвета – значит, много курит. Сейчас это немодно. Приветствуется здоровый образ жизни: бег по утрам, а не «Балканская звезда». Сигареты – и те из прошлого. Фабрику закрыли, а ты, старый идиот, все цепляешься за старое, докуливаешь заначку. Сколько лет твоим брюкам? Страшно представить. Потертые на коленях, выщвели. На работе засиживаешься допоздна, хотя никто не приходит на факультатив. В школе кличку придумали: Шкаф. Похож. Долговязый, походка тяжелая. Учителя давно перешли на ноутбуки, а ты с книгами. Презентации не умеешь делать, социальных сетей избегаешь. Одинокий во всех смыслах человеческого одиночества. Без семьи и друзей.

Время любит своих детей, но ты не его фаворит. Признайся честно, стремился? Очень! Подхватывал, ловил, подражал. Ты считал, что история – это правда! Спустился на землю! Она не помнит девять десятых из того, что происходит во времени. Туман, в котором утонули многие, многие, бесконечно многие...

Валерий Михайлович Разумов до мелочей помнил свой приезд в Ярославль. Жара в лето восьмидесятого стояла безумная.

Рейсовый автобус сломался в трёх километрах от центральной трассы. Пассажиры сначала крутились возле водителя, надеялись, вот ещё чуть-чуть – и заведётся. Но солнце поднималось выше, а старый «пазик» мёртво стоял на обочине. Народ гуськом потянулся обратно к дому. Валера и непонятного возраста мужчина в рабочей куртке, единственные из всех пассажиров, пошли пешком. Сначала молчали. Мужик часто вздыхал, менял сумки в руках, кепок вытирал пот со лба. Валера не помнил его имя, но знал, что тот работает слесарем в МТС, и дочь его тяжело больна.

– Везу подарочки. Врачу надо, медсестре надо, санитарке. Без «подмажешь» даже утку у доченьки не уберут.

– Я помогу, – Валера, не дожидаясь ответа, забрал сумку.

– Ты мне скажи, отец твой орёт на партсобраниях, мол, коммунизм скоро, а дорогу ещё с времён царя Гороха не ремонтировали, автопарк на ладан дышит.

– Не Гороха, а Ивана Грозного. Мать его Елена Глинская владела Угодичами. Потом Петр Первый приезжал к графу Мусину-Пушкину.

Перебросив поудобнее рюкзак на правое плечо, Валера продолжил:

– Государе на рыбалку к нам приезжали. С тех пор и дорога.

– Вот ты каков! Голова. А чего в город?

– На учителя поступать.

– Не от мира сего ты, парень. Сейчас все в торговый ринулись. А отец знает?

– Нет, сдам экзамены, тогда и напишу.

До Ярославля попутчики добрались к полуночи.

На безлюдной Подбельской одинокий таксист деловито вытирал лобовое стекло машины.

– Трюльник, или пешкодралом. Я – в парк, – сказал он дружелюбно, выключая счетчик.

Валера бросил рюкзак на первое сиденье.

Машина покружила у Богоявленского храма, нырнула по темному спуску к реке и остановилась у пятиэтажного здания.

– Ехали от силы пять минут, – Валера ошарашенно смотрел на водителя. – Грабеж!

– Стопэ, Паря! Это не я такой, жизнь такая.

У закрытых дверей общежития парочка влюблённых перебрехивалась с вахтёршей. Он – в темно-синих джинсах с ярко-коричневой нашивкой с выбитым рисунком ковбоя, погоняющего лошадей. Она – в открытом сарафане из марлёвки, через ткань молочного цвета смотрят нагло два соска. Бесстыжие. Взгляд не отвести.

– Марьванна, вы самая добрая женщина на свете, – парень заговорщицки подмигнул спутнице.

– Сорокин, я тебя предупреждала, – тонкий голос оборвал грубую лесть, но тут же притих.

– А я вчера посылку от родителей получил.

Парень в джинсах угадал. Растрёпанная рыжая бабетта открыла дверь:

– Заходите! И чтобы не звука!

– Драгоценная наша, – Сорокин фривольно послал вахтерше поцелуй и змеей пронырнул в проем.

Валера неуклюже протиснулся следом.

– А ты, долговязый? Чем расплачиваться будешь? Натурой? – МариВанна оказалась довольно молодой, но какой-то пошлой, до тошноты. Валера скривился, как можно спокойнее ответил:

– Поступлю, тушенку домашнюю привезу.

Вахтерша ехидно вскинула тонкие брови-нитки: «Расписывайся здесь, здесь и здесь. И побыстрее».

По большому счету, плевать на Марьванну. Вестибюль – вот что произвело впечатление. Тёмно-коричневый грот. В полумраке перемещаются по стенам тени волос нимфы Калипсо. Песни Орфея, стол с яствами. Тьфу, чушь какая лезет в голову. Это все лишь традесканции в кашпо, плакат «Комсомольское собрание – залог отличной учёбы», бабетта вахтёрши и чуть уловимый запах сигарет из-за перегородки.

– Разумов, мечтаешь? Твоя – двести двадцатая.

Валера поднялся на второй этаж. Из комнаты доносились приглушенные голоса. Он немного постоял и переступил порог.

– Здрасьте.

«Анжела Девис», только рыжая и с густым басом, ответил на приветствие:

– Сельпо!

– Не понял? – Валера напрягся.

- Не быкуй, мы тут все от сохи. Две кровати свободные. Выбирай любую.
- Спасибо. У окна займу. Я из Угодичей.
- Бухать будешь? Поминаем Владимира Семеновича.

Кучерявый оказался низкорослым крепышом, по-свойски подхватил Валерин рюкзак и кинул его, как баскетбольный мяч, на кровать:

- Добро пожаловать в нашу берлогу. Зашуршала лента. Хриплый голос запел:
«Полная Правда божилась, клялась и рыдала,
Долго скиталась, болела, нуждалась в деньгах,
Грязная Ложь чистокровную лошадь украла —
И ускакала на длинных и тонких ногах».

Разумов достал с антресолей чемодан. В кармашке сложенный вдвое билет на поезд Ярославль – Москва. Клочок бумаги, единственный документ, который помнит любовь.

Снег шел. Огромные хлопья падали с неба. В воздухе пахло свежими огурцами.

Навстречу приближалась красотка в клетчатом расклевшем пальто. Балансировала руками в воздухе, старалась удержаться на скользком тротуаре. Девушка на шаре – Пикассо в чистом виде – взмахнула рукавичками и упала навзничь. Полы пальто обнажили коленки. Кроличья шапка с козырьком улетела в сугроб. С ума сойти от красоты. Эх! «Кричали женщины ура! И в воздух чепчики бросали». Чёлка, как у Мирей Матьё. Чернящие глаза. Шик!

- Позвольте подать вам руку, – Валера изо всех сил старался выглядеть галантным.
- Спасибо, – холодная ладонь незнакомки коснулась к пышущей огнём коже.

С деланной небрежностью он стряхнул ледяные капли с пальто, но в душе до дрожи хотел прикоснуться.

- Ушиблись?
- Чуть-чуть. Как вас зовут, джентльмен?
- Валерий Михайлович Разумов, среди ребят Валериус.
- Вот это совпадение, а я просто Лера. Выходит, мы тёзки.
- Лера, где учитесь?
- Третий год преподаю в школе. Учю деток читать внимательно русскую литературу.

Скоро закончится моя ссылка по распределению. А вы?

- Я на втором курсе исторического. Изучаю классиков марксизма-ленинизма.
- Успешно? – мягкий голос, от которого с бешеной скоростью билось сердце, дразнил и сводил с ума.

Любовь – это явление природы. Неизбежность. Как бы ни сопротивлялся, ни утверждал, что лирика – удел девчонок, а настоящий мужчина занят делом, любовь приходит и уходит в назначенный час. Так же, как зима. Снег падает медленно на воротник и варежки, цепляется за чёрную чёлку, тает на кончике носа. Ты слизываешь его мокрый след и с не уходящей ни на секунду из тела нежностью произносишь: «Лера, снег пошёл».

Любовь приходит и уходит так же, как первая весенняя гроза. Небо прикасается своим нутром к земле, выпускает струи дождя, а ты, не думая о себе, стягиваешь куртку, прикрываешь любимые плечи. Так же, как первый жаркий день лета. Через лучи солнечного света рассматриваешь на её животе прилипший песок, дуешь на него. Песчинки разбегаются по сторонам. Как во сне, едва слышится: «Дурак, щекотно».

Целых три года счастья.

Лера жила в центре города на тихой улице, ведущей к реке. Её окно в старинном доме из красного кирпича, обрамлённое узорчатым декором – первое или пятое. Всё зависит от того, откуда они возвращаются. Куполообразная арка закрывает двор от суетливого города. В нём тихо. Между подъездом и стеной забора тёмный угол. Место, где они сцепляются и летят в свою

Галактику. Воздух уплотняется постепенно, по мере удаления тел в бесконечность. Он с силой притягивает их друг к другу, резко отталкивает, сжимает и распрямляет. До тех пор, пока не проникает в самые сокровенные уголки.

– Да здравствуют памятники архитектуры – лучшее место для занятий любовью.

– Тише, – Лера прикрывает его рот горячей, чуть влажной ладонью. – Пойдём ко мне.

В подъезде неприятный запах от старых труб. Тёмный, похожий на казарму коридор. Мимо, шаркая тапками, дефилирует высокая особа, источающая характерный запах вчерашнего праздника.

– Амалия Венедиктовна, здравствуйте, – Лера почтительно здоровается с тёткой.

– Ну и персонаж, – шепчет громко в ухо Валера.

– Молодой человек, рекомендую мысли держать при себе, а если высказались, то аргументируйте, – Амалия Венедиктовна высокомерно измерила рост Валеры, пыхнула в лицо «Беломором».

– Как ваши дела? – Лера улыбалась, явно симпатизировала соседке.

– Гипотетически выражаясь, дорогая Лера, дел нет. Одни дни. А что мой загнивающий мозг будет читать?

– Амалия Венедиктовна, об этом мы поговорим наедине.

– Родители у Амалии Батьковны с юмором, – Валера не удержался опять высказать свое впечатление от женщины с экзотическим именем.

– Это ты зря. Кстати, Киплинга принесла мне Амалия.

– Опять самиздат! Скажи, где ты достала машинку? Ее же днем с огнем не найти?

В комнате Леры не по-девичьи сдержанно: кровать, этажерка с учебниками, два окна без занавесок, на одном стоит печатная машинка «Башкирия»,

– Стихи Ахматовой нельзя купить, но читать их не запрещено. А вот говорить о прекращении войны в Афганистане в курилке не советуется.

– Кто бы говорил! Диссиденточка моя, – Валера прижал голову Леры к своей груди, – а мне чего бояться? У нас пацаны проверенные.

– Не торопись с выводами. Меня познакомили с одним человеком. Он в психушке полгода пробыл. Простой работяга, слесарь. Накачивали галоперидолом за антисоветские мысли, записанные в дневник, а дневник в его тумбочке нашла уборщица.

Валера ничего такого не встречал. Для него власть и страна – разные вещи. В его мире яркая жизнь, суток не хватает уместить события. В его стране – Лера.

– Выходи за меня.

– Зачем?

– Как зачем? Мы любим друг друга.

– Семья к любви не имеет отношения.

– Ерунда. Это естественное продолжение чувств. Вдвоём легче. Недаром говорят, встретились две половинки.

– Валер, я – не половинка. Сама наступаю на грабли, сама их выкидываю.

– Все должны создавать семьи, если любят друг друга.

– Нет. Каждый человек свободен в выборе. Кому семья, кому другое предназначение.

Универсальные правила или инструкции пригодны только для машин.

– Ладно, проехали. Что я, как дед, – Валера потянулся к Лериной шее. Она ласково оттолкнула:

– Вчера тётка в программе у Познера сказала: в СССР нет секса! Не лезь.

Пружины панцирной сетки покачиваются в такт телам, усыпляя рассудок, нашептывая сладкие фразы: «Как прекрасна жизнь, люблю тебя».

– Лерка, знаешь, что я скажу на первом уроке, – Разумов мечтательно закидывает руки за голову.

– Что скажет будущий учитель истории? – Лера смотрит по-особенному нежно. Слишком нежно.

– Я зайду в класс в джинсах. Это первое. В руках у меня пластинка из «Кругозора» с песней Высоцкого.

– Картина сногшибательная, но не полная? – Лера встала с кровати.

– Я скажу... – его лицо стало серьезным, – не бойтесь говорить правду.

Лера, никогда не прикрывающая своей наготы после близости, вплотную подошла к парню:

– Я боялась, но теперь скажу.

– Ущипните меня. Ты сейчас скажешь «согласна», – он обхватил руками ее голые колени, стал губами подниматься выше.

– Я старше тебя на семь лет.

– Ерунда. Мы поженимся и будем неразлучны, как Михаил Сергеевич с Раисой Максимовой.

Подобно щенку, влюбленному в хозяйку, Валера кружил, ласкал, крутился, затягивал Леру обратно в кровать.

– Валер, отцу одобрили документы. Я уезжаю в Израиль

В Шереметьево со всех сторон слышался тревожный гул. Из роя голосов вырывались вскрики, растерянные возгласы, проклятия. Какой к чёрту зал ожидания, когда вокруг прощаются навсегда!

Он смотрел мимо Лериного плеча на людей. Они излучали несчастье.

– Как жалко выглядит расставание. Я такой же жалкий?

– Валер, не мучай меня! Не могу больше слышать в спину «жидовская морда», пойми!

Лера задрала подбородок, часто моргала, зачем-то дую на чёлку, пряди раздвигались шторкой, продолжила:

– У этой страны нет будущего. Все уничтожено в октябре семнадцатого. Я не верю в перемены.

– Понимаю, – Валера безвольно махнул головой.

– Ты не слушаешь меня. Опять замыкаешься. Скоро папа подойдет. Пошла.

– Иди.

– Мы же не навсегда прощаемся. Я сделаю тебе гостевую визу. Ты меня разлюбил?

Валера не ответил. Медленно, шаркая ботинками по гранитному полу, он шёл к выходу, оставляя навсегда в своей памяти выражение лица Леры. Она была похожа на ребёнка, пойманного на лжи.

Любовь не умерла. Затвердела, превратилась в камень. Избавление невозможно, потому как спасительные лекарства увезли на самолете Москва—Вена, а дальше перенесли на другой борт, вылетающий в Тель-Авив. Однажды, гуляя по улочкам старого Иерусалима, оставили их в Стене Плача. Неужели там они нужнее?

Сначала считал, зачеркивал в календаре крестиком дни, месяцы своего одиночества. На годах запутался. То ли три года прошло, то ли десять. Хотел ли он ещё раз полюбить? Как всякий живой человек, конечно, да. Но с женщинами у него не срасталось.

В узком пространстве между школой и домом он не встретил похожую на Леру. Где-то читал: мужчина ищет в женщине свои фантазии или повторение пережитого. Навязчивая потребность вернуться в день снегопада или хотя бы обратно в студенческую курилку поселилась в его холостяцкой квартире, не давая присмотреться вокруг, размякнуть.

Библиотекарша Лариса, сквозь набившие оскомину фразы о любви к книгам, жестами сигнализировала: замуж, деньги, на худой конец кольцо с бриллиантом.

– Валерий Михайлович, вы бы помогли мне книги из подсобки перенести? В пятницу, например?

– Простите, Ларочка, программа «Взгляд» именно в пятницу.

В младшей параллели преподавала Леночка или Елена Андреевна, полная противоположность Ларисы. Язвительная, демонстративно-равнодушная. Урок проводила строго по плану и в рамках учебника. Никогда не участвовала в спорах. Такие женщины манили Разумова, но он не в её вкусе.

– Лена Андреевна, неужели не волнуют перемены в стране?

– Эх, наивный человек вы, Валериус. «Пусть расцветут сто цветов, пусть соперничают сто школ»...

– Ты хочешь сказать, грянет китайская революция?

– Гласность – это ловушка. Ты бы лучше приоделся, совершенно не вызываешь сексуального интереса.

– Да, ну тебя, Лера. Оговорочку никто не заметил, даже сам Валериус.

– Мы вчера с ребятами ходили на «Холодное лето 53 года». Девчонки плакали, мальчишки искренне негодовали. Мао, Сталин не вернутся.

– Удачи, мечтатель, – Елена Андреевна, покачивая бедрами, вышла из учительской.

Иногда, очень редко, обычно в праздники, он оказывался в душевной постели Марьванны. Той самой рыжеволосой дамочки у порога общежития или, лучше сказать, на пороге взросления. Сколько раз говорил себе: «Всё, хватит». Но проходило время, и Валера опять просыпался в Машиных подушках. Как бы то ни было, она умела заменить увезённое лекарство от одиночества.

– Валериус, душа моя, а ты мой спаситель.

– Это от чего я тебя спасаю? От пьянства?

– Помнишь тот вечер? Ты ещё за перегородку пытался глянуть.

– И что?

– Знакомый тогда валюту предлагал. Его вскоре арестовали. «Бублики» получил по полной. Если бы не твоё оформление, сидеть бы и мне с ним.

Разумов подошел к книжному шкафу. Взять что ли «Конармию»? Книга без обложки и первых семнадцати страниц досталась от Панфилова. Доцент кафедры отечественной истории Юрий Алексеевич Панфилов, спустя годы Юрас, появился в его жизни в то самое жаркое лето восьмидесятого на экзамене История СССР. На часах стрелка приближалась к семи вечера, он зашел последним в аудиторию. Аккуратно закрыл за собой дверь и потянулся к выключателю.

– Добрый вечер! Почему без света?

Панфилов хмыкнул и, чему-то улыбаясь, протянул руку парню.

– Давай экзаменационный лист. Хорошо.

Так и подружились. Сначала – любимчик на курсе, а потом просто друг. Последний раз они виделись на базаре в девяносто четвертом. Валера по выходным продавал рыбу для хозяина ларька, кривоногого грузина Резо, парня недалекого, но хваткого. Тот ларек поставил у школы. Место проходное и выгодное. Бухгалтерию вел в толстой тетрадке на девяносто шесть листов. Долги учителей и учеников записывал только ему известным способом. Все листы были исчерканы квадратами, восклицательными знаками, буквами и цифрами. Резо прекрасно помнил всех и всё. Банкроты вроде Разумова отрабатывали долги на рынке.

Рыбный ряд размещался на задворках. Он читал журнал, в последнем номере «Нового мира» за 1994 год публиковалось окончание романа Астафьева «Прокляты и убиты», когда подошла единственная за весь день покупательница.

– Скажите, пожалуйста, по какой цене вы продаете селёдку? – женщина в коричневой куртке смотрела на Валеру.

– Честно сказать, я не советую её брать. Старая.

Рядом засмеялись.

– Господин продавец, идите домой. Здесь продают, а не книжки читают.

– Юрас! какими судьбами?

– Это я спрашиваю, чего наш Валериус забыл на базаре?

Они обнялись.

– Что, голодно? – Панфилов слегка похлопал своего бывшего студента по спине.

– Всё норм, свободой насыщаюсь.

– Наслышан, наслышан. Говорят, устроил революцию в школе. Не признаёшь учебные планы, разрешаешь не пользоваться учебником, вместо оценок призываешь коллег перейти к бальной системе. Говорят, песни под гитару поёшь.

– Ребята потрясающие. Правду хотят знать немедленно. На факультатив вся школа собирается.

– Кстати о правде. Помнишь Рогозинскую?

– Это Бизе Кармен с башней из волос? – Валера улыбнулся.

– Она самая.

– А что с ней? Не удивлюсь, если с таким же пафосом говорит о демократических преобразованиях.

– Она на лекции умерла.

– Как это?

– Вышла к кафедре. Студенты устроили демонстрацию. Стучали ногами, кричали: долой КПСС!

– И? Дальше что?

– Протёрла тряпкой доску и упала.

Валера в оцепенении смотрел на носки ботинок. Панфилов сел рядом на ящик. Закурили.

– Валер, а ты чего больше всего боялся в детстве?

– С отцом на рыбалку ходить с ночёвкой. Он напивался, рубил топором кустарники, рыдал. А утром как ни в чём не бывало шёл рыбу ловить. Жуть. А ты?

– Хоровод вокруг ёлки. Все бегут радостно в одну сторону, потом обратно. У меня даже фото есть. Я с искажённым от страха лицом пытаюсь вырваться из толпы.

– Юр, не нагнетай. Не туда несёт, а всё почему? Сталинизм засел глубоко.

Панфилов уехал в девяносто шестом. Преподаёт в Калифорнийском университете курс «Тоталитарные режимы XX—XXI веков», завел канал на Ютубе. Разумов, как в студенчестве, задавал вопросы в комментариях, но лично встречаться не торопился. Между ними образовалась огромная пропасть. Юрий Алексеевич – заокеанский теоретик в «белом пальто с перламутровыми пуговицами», а он кто? Сказочник из придуманной им же байки о гуманистическом социализме.

Разумов еще раз обошел квартиру.

«Некий чудак и поныне за Правду воюет». Насмехаясь над собой, он прорычал в пустоту строчку из песни Высоцкого:

– Нет. Хватит. Домой!

С отцом они увиделись за день до похорон. Шёл к нему через весь дом. Обходил комнаты, в которых ничего не изменилось, кроме цвета. Потускнели, напитались многолетней пылью занавески. Красный чайник, упрямо выпятив обожжённые временем бока, стоял на первой конфорке. Отец уважал кипяток, чай пил с крепкой заваркой, предпочитал грузинский. Говорил: пахнет товарищем Сталиным. Стол всё также в центре большой комнаты. Клеёнка с когда-то четкими квадратами, внутри ярко-синими васильками, завилась свитком по краям. Валера частенько, положив голову на локоть, считал цветы, пока отец, размахивая руками, больно тыча пальцем в затылок, увещевал: хочешь жить, умей вертеться. В углу напротив стола расставил четыре ноги телевизор «Таурас». Валере вспоминается насыщенный серо-голубой экран, молодой Конкин в распахнутой шинели долбит замерзший грунт, ветер треплет его будёновку. Валере нестерпимо хочется помочь Павке Корчагину, но он стоит рядом с телевизором и держит антенну в вытянутых руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.